

На правах рукописи

Млечко Александр Владимирович

**МИФОСИМВОЛИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА
ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (1920-1940)**

Специальность 10.01.10 – Журналистика

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Воронеж – 2009

Работа выполнена в Волгоградском государственном университете.

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
Смирнов Виталий Борисович.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Мисонжников Борис Яковлевич;

доктор филологических наук, профессор
Сапунов Владимир Игоревич;

доктор филологических наук, профессор
Савинков Сергей Владимирович.

Ведущая организация – Саратовский государственный университет.

Защита состоится 6 мая 2009 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212 038. 18 в Воронежском государственном университете по адресу: 394068, г. Воронеж, Московский проспект, 88, к. 211 а (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан « » апреля 2009 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Гладышева С.Н.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Русское зарубежье лишь сравнительно недавно получило статус феномена, научное изучение которого стало не только перспективным, но и престижным занятием, тесно связанным с поиском и выработкой стратегии современной и государственной национальной идентичности. Особенно пристальное внимание оказывается не просто культуре, но *литературе* и *периодике* «рассеяния», наиболее полно отражающей духовные ориентиры огромного количества русских людей, насильственно оторванных от своей Родины. Одним из самых сильных стимулов, заставляющих обращаться к литературному наследию эмиграции, стала общепризнанная мысль о принципиальной неразрывности, нерасторжимости литературы «метрополии» и искусственно отделенной от нее литературы русской диаспоры за рубежом. Сами эмигранты никогда не разделяли себя с Россией. Позиционируя свою картину мира к «советскому настоящему», они считали себя не чужеродными России изгнанниками, но патриотами, чья миссия виделась в сохранении и приращении того бесценного наследия, которое им досталось от России Пушкина и Вяземского, Достоевского и Леонтьева, Соловьева и Толстого.

В каком-то смысле «итоговым» можно на сегодняшний день назвать издание «Литературной энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940», ставшей плодом многолетней работы ученых Центра гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН (Отдел литературоведения). Второй том энциклопедии был посвящен периодике и литературным центрам русского рассеяния «первой волны», и его можно считать первым изданием, содержащим достаточно подробные и обобщающие энциклопедические сведения не только о периодической печати и литературных объединениях русской эмиграции периода 1918–1940-х годов, но и отчасти периодике «второй волны» эмиграции. Таким образом, журналистика русского зарубежья идет «вслед» за литературой, если говорить об их современном изучении в России. Такая «дискриминация» неудивительна, если вспомнить «соотношение сил» научного интереса к русской литературе XIX века и степени изученности отечественной журналистики того же периода. И в то же время нет ничего странного в той близости, в которой оказываются эти два вида социальных практик, – их нераздельность особенно явственно ощущается именно в России, где связь литературы и социальной проблематики жестко обусловлена, в первую очередь, спецификой национальной ментальности и структурными особенностями национальной «картины мира».

Впрочем, журналистика как явление комплексное не может не коррелировать и с такими феноменами, как философия, история, публицистика, критика и т.д., что нашло отражение в немногочисленных монографических исследованиях и сборниках, предметом которых так или иначе выступает журналистика русского зарубежья. Среди них следует отметить коллективный труд Санкт-Петербургских ученых

«Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков»¹, в котором впервые была предпринята попытка систематизации и исторического исследования русской эмигрантской журналистики, начиная с изданий А.И. Герцена и заканчивая многообразной периодикой русского зарубежья «первой волны». Второй работой, претендующей на систематичность и относительную всеохватность изложения материала, думается, можно назвать монографию финского ученого Ю. Суомелы «Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы 1918–1940 гг.»². Центральным элементом в поле интересов автора здесь становится не просто история зарубежной журналистики, но прежде всего идеология эмиграции «первой волны», проследить и реконструировать которую целесообразнее всего в единстве с изучением периодизации, хронологии и исторической эволюции русской зарубежной прессы.

Историко-идеологический аспект лежит в основе и сборника статей «Публицистика русского зарубежья»³, составленного специалистами кафедры истории отечественных средств массовой информации факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Здесь перед нами своеобразный компендиум из статей ведущих публицистов, мыслителей и политических деятелей эмиграции «первой волны» – Н.А. Бердяева, М.В. Вишняка, Ю.О. Мартова, П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Л.Д. Троцкого, Н.В. Устрялова и др. – опубликованные на страницах крупных газет и журналов русского зарубежья.

Некоторые из работ, имеющих сугубо историко-журналистский характер, географически и хронологически локализованы. Так, в монографии А.В. Лысенко «Голос изгнания. Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг.»⁴ и ставшем классическим сборнике «Русский Берлин 1921–1923»⁵, впервые вышедшем в Париже в 1983 году, где идет речь о журналах А.С. Яценко, подробно освещается журналистская и издательская жизнь в первой «столице» русской эмиграции.

При таком относительном разнообразии предметов изучения не может не вызвать вопроса одно наблюдение – отсутствие традиции крупных отечественных исследований, в центре внимания которых попало бы какие-либо отдельные периоди-

¹ Бережной А.Ф., Волковский Н.Л., Громова Л.П. и др. Журналистика русского зарубежья XIX века–XX веков: Учеб.пособия /Под ред. Г.В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2003. 320 с.

² Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб.: Изд. дом «Коло», 2004. 352 с.

³ Публицистика русского зарубежья. Сборник статей / Сост.: И.В. Кузнецов, Е.В. Зеленина. М.: «Союзполиграфпром», фак-т журналистики МГУ, 1999. 350 с.

⁴ Лысенко А.В. Голос изгнания. Становление газет русского Берлина в 1919–1922 гг. М.: Русская книга, 2000. 368 с.

⁵ Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Губернском институте. Paris-M.: YMCA-PRESS – Русский путь, 2003. 392 с.

ческие издания – в первую очередь журналы – русского зарубежья «первой волны», хотя подобных работ, скажем, о журналах и публицистах XIX – начала XX века достаточно (труды Э.Г. Бабаева, Д.А. Барабохина, А.А. Гапоненкова, Л.П. Громовой, Н.П. Емельянова, Ф.Ф. Кузнецова, В.И. Кулешова, В.С. Нечаевой, В.Б. Смирнова, В.А. Твардовской, М.В. Теплинского). И прежде всего недоумение вызывает отсутствие более или менее цельного исследования самого крупного (во всех смыслах этого слова) издания русского зарубежья «первой волны» – «толстого» журнала «Современные записки» (1920–1940). Исключение составляет лишь диссертация Николаса Хайеса (Чикагский университет, США) «Интеллигенция в изгнании: «Современные записки» и история русской эмигрантской мысли 1920–1940» на соискание степени доктора философии⁶. О характере этой работы многое говорит относительное отсутствие в ней собственного филологической составляющей. К тому же, в центре анализа американского исследователя стоят не «Современные записки» как таковые – он использует журнал в качестве своеобразной отправной точки для рассказа (и их анализа) об основных идейных течениях русского зарубежья, и история журнала для автора диссертации представляет ценность прежде всего в максимально широком контексте эмигрантской мысли вообще.

И тем не менее актуальность нашего обращения к «Современным запискам» не ограничивается историческим и даже историко-литературным интересом к журналу. Впервые предпринимается попытка анализа журнала как *текстуального* феномена, в рамках которого коррелируют тексты и дискурсы разнопорядковой валидности. Учитывая общее направление современной социогуманитарной мысли в области коммуникативистики к представлению текста СМИ в виде единства иконических и нарративных структур (см., например: исследования Б.Я. Мисонжникова и И.В. Силантьева⁷), мы обратились к текстологическому потенциалу журнала как практически идеальному репрезентанту определенной социально-политической мифологии, достаточно четко гипостазируемой в рамках некоторой культурной целостности – в данном случае в рамках во многом уникальной культуры русского зарубежья. Другими словами, актуальным представляется обращение к «Современным запискам» не только как к самому крупному периодическому изданию русского зарубежья, история и политика которого представляет несомненный интерес, но

⁶ Hayes N. The Intelligentsia-in-Exile: Sovremennye Zapiski and History of Russian Émigré Thought, 1920-1940. A dissertation submitted to the faculty of the division of the social sciences in candidacy for the degree of doctor of philosophy. Department of history. Chicago, Illinois, The University of Chicago, 1976. 363 p.

⁷ Мисонжников Б.Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). СПб.: Изд-во Санкт.-Петербургского ун-та, 2001. 490 с.; Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.

и как к почти «идеальному» образцу, некоему паттерну, для демонстрации скрытых, латентных механизмов смыслообразования «картины мира» какой-то отдельной культурной целостности, в частности – культуры русской эмиграции. Такой взгляд на феномен русского толстого журнала предполагает обращение к целому ряду современных методов и подходов к изучению медиафеноменов – от структурного анализа и герменевтики до интертекстуальных и мифопоэтических методик анализа культурных текстов.

Целью данной работы является выявление особенностей и мифосимволического характера нарративных структур, репрезентированных в текстах художественного дискурса журнала «Современные записки», их корреляции со структурами иных дискурсов журнала, механизмов смыслообразования в специфических условиях герменевтического анализа медиатекстов и их связи с ментальными установками отдельной культурной целостности.

Исходя из цели исследования, мы ставим следующие **задачи**:

- поставить и решить проблемы, связанные с методологическим уровнем исследования, подразумевающим как разработку уже апробированных научных феноменов, так и обращение к оригинальным;
- продемонстрировать механизмы смыслообразования в условиях герменевтического анализа полидискурсивных текстов журнала «Современные записки», расположенных на семантическом пространстве *русского текста* издания;
- проследить хронологическую последовательность основных исторических этапов, могущих продемонстрировать эволюцию «Современных записок»: история возникновения, развития и закрытие журнала; изменение в структуре редакционного коллектива; декларируемая направленность журнала и ее трансформации; авторский коллектив, типологические характеристики; особенности рубрикации и т.д.;
- выделить ведущие мифологемы «эмигрантского мифа», представленные на семантическом поле *русского текста* «Современных записок»;
- продемонстрировать соответствие тематики художественных текстов «Современных записок» ведущим мифологемам «эмигрантского мифа» – мифологеме *Космоса* (потерянная Россия) – мифологеме *Хаоса* (революционная Россия) – мифологеме *Возвращения* (русские в условиях эмиграции /эмигрантская Россия/ Россия в изгнании);
- определить структурные особенности символических образов, репрезентирующих указанные мифологемы в текстах художественного и иных дискурсов «Современных записок»;
- представить систему контекстуального прочтения журнальных текстов в виде структуры символических трансферов, обеспечивающей семантическую гомогенность текстуального пространства журнала;

- проанализировать художественные, публицистические, философско-публицистические произведения, опубликованные в «Современных записках» и относящиеся к «прецедентным текстам» культуры русского зарубежья, с точки зрения репрезентации в них мифосимволической структуры «эмигрантского мифа».

Объект исследования – художественный дискурс журнала «Современные записки» (1920-1940) в перспективе его кросстекстуального потенциала. **Предмет** исследования – мифосимволическая структура художественного дискурса журнала «Современные записки» и формы ее репрезентации на текстуальном пространстве издания.

Степень научной разработанности темы. Собственно текстологическое исследование «Современных записок», в рамки которого попадали бы различные дискурсы журнала и где бы была сделана попытка проанализировать его текстуальное пространство как некоторую целостность, еще не предпринималось. Среди крупных работ о журнале следует выделить три. Во-первых, это уже упомянутая нами диссертация Николаса Хайеса (Чикагский университет, США) «Интеллигенция в изгнании: «Современные записки» и история русской эмигрантской мысли 1920–1940». Но собственно научная составляющая в работе доктора Хайеса в достаточной мере ослаблена, поэтому его исследование тяготеет скорее к научно-популярному полюсу – большую роль здесь играет то, что диссертация американского ученого, скорее, *открывает* западному читателю культуру русской эмиграции, нежели реконструирует ее механизмы или же привносит нечто принципиально новое в ее изучение на сегодняшний день. «Современные записки» интересуют автора не столько как журнал со своей историей, конкретными авторами, текстами и т.д., сколько как вполне определенная сила, аккумулировавшая вокруг себя важнейшие идейные течения русского зарубежья. Перед нами не история, и не творческая история крупнейшего журнала зарубежной России, а *история идей* русской эмиграции «первой волны», своеобразным «энергетическим ядром» которых и были, по мысли Н. Хайеса, «Современные записки» и их окружение. «Современные записки» интересуют Н. Хайеса не как таковые, а в качестве своеобразной *отправной точки* для рассказа (и их анализа) об основных идейных течениях русского зарубежья, и история – а уж тем более текстуальный анализ – журнала для автора диссертации представляет ценность прежде всего в максимально широком контексте эмигрантской мысли вообще. Журнал, считает Н. Хайес, сыграл роль консолидирующего фермента, способного объединить идеологически разрозненную интеллигенцию перед лицом новой опасности – эмиграции – и чересчур экстремальных ответов («вызовов») на те вопросы, которые эмиграция ставила перед русскими изгнанниками. Таким образом, исследование «Современных записок» американского ученого представляет собой сугубо *внешнее* описание журнала и его истории. «История идей», приложенная к культуре русского зарубежья «первой волны», на наш взгляд,

носит сугубо *описательный* характер, ограничивается конституцией и классификацией основных идеологических схем эмиграции и не может претендовать на сколько-нибудь принципиальную новизну. Другие два исследования журнала принадлежат российским ученым. Это диссертационные исследования К.А. Жульковой «Литературная критика парижского журнала «Современные записки» (1920–1940). Проблемы литературно-критического процесса» (Москва, 2001) и С.Э. Лебедевой «Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и ее отражение в журнале «Современные записки»» (Москва, 2007). Как видно, в научное поле зрения в обеих работах попадает лишь один (пользуясь нашей терминологией) дискурс издания – критический, на основе анализа которого делаются достаточно интересные выводы о литературных предпочтениях ведущих критиков журнала, об основных векторах литературной полемики, ведущейся как на страницах «Современных записок», так и крупнейших эмигрантских изданиях в целом. Но, повторимся, более или менее целостного *текстуального* анализа журнала, как видим, пока не предпринималось.

Других попыток исследования «Современных записок» или их истории (за исключением разрозненных статей в энциклопедиях и научной периодике (см.: Ю.А. Азаров, П.Н. Базанов, Н.А. Богомолов, Д. Дэвис, А.А. Ермичев, В. Кельнер, В.В. Леонидов, И.Е. Прохорова, А.А. Ревякина, А.Н. Николюкин) не делалось, несмотря на самый высокий статус, который издание получило в рамках не только культуры русского зарубежья, но и истории отечественной журналистики в целом.

Новизна исследования содержательно выражается в следующих основных моментах:

- впервые предлагается подход к изучению русских «толстых» журналов, основанный на синтезе традиционных методов анализа журналистики и социогуманитарных подходов к изучению разноуровневых культурных феноменов, что позволяет говорить о реконструкции *поэтики* русского «толстого» журнала и *поэтологическом* измерении методов его анализа;
- в работе впервые в отечественной журналистской науке осуществляется дискурсивный анализ крупнейшего литературно-художественного и общественно-политического журнала русской эмиграции «первой волны» «Современные записки»;
- в работе впервые осуществляется анализ текстуального пространства журнала «Современные записки» с использованием особого семантического поля *русского текста* издания;
- художественный дискурс «Современных записок» впервые рассматривается как поле формирования и функционирования социального мифа – «эмигрантского мифа»;

- художественные тексты, напечатанные на страницах «Современных записок», впервые анализируются в условиях своего контекстуального полидискурсивного окружения;
- впервые анализируется мифосимволическая структура художественного дискурса «Современных записок» в соотнесении с основными мифологемами структуры «эмигрантского мифа»;
- впервые предлагается исследование конкретных текстов периодического издания в качестве репрезентантов кризисной картины мира и «переходной» ментальности отдельно взятой культурной целостности – культуры русской эмиграции «первой волны».

Методология исследования. В данной работе сочетаются несколько методологических векторов изучения русских «толстых» журналов как медафеноменов. Одним из самых эффективных представляется *историко-литературный метод* изучения журналистики, детальная разработка которого была предложена В.Б. Смирновым на материале русских «толстых» журналов XIX столетия. В монографии 1974 года «Литературная история «Отечественных записок». 1868–1884» В.Б. Смирнов отмечает, что еще в корпусе текстов русских критиков XIX века «намечается методологически эффективный аспект историко-литературных исследований, который за неимением «компактного» термина можно было бы определить как историко-журнальный аспект изучения русской литературы или – другими словами – изучение русской литературы в свете истории журналистики. В равной мере можно говорить и об историко-литературном рассмотрении русской журналистики. Трудно отдавать предпочтение какому-либо одному определению, как трудно отдать предпочтение и какой-либо одной из наук при «синтетическом» исследовании того или иного литературно-журнального явления»⁸.

Механизм взаимодействия литературы и журналистики позволяет, по мысли исследователя, открывать новые научные перспективы, социологический характер которых подразумевает «историю идей» как одну из компонент *контекстуального* изучения феноменов идеологического и эстетического порядков. Для нас важно обратить внимание на тот приоритетный интерес, который отдает в своих исследованиях В.Б. Смирнов именно *литературной составляющей* системы массовых коммуникаций XIX столетия. Это объясняется, на наш взгляд, двумя основными причинами. Во-первых, беллетристика была основным каналом идеологического воздействия в России этого периода – споры вокруг «Ревизора» и «Мертвых душ», «Отцов и детей» и «Обломова», «Войны и мира» и «Бесов» выходили далеко за рамки баталий сугубо эстетического характера. Во-вторых, художественные тексты, или *художественный дискурс* составлял и составляет основной структурный

⁸ Смирнов В.Б. Литературная история «Отечественных записок». 1868–1884. Пермь, 1974. С. 8.

стержень отечественных «толстых» журналов, являясь, таким образом, центральным смыслопорождающим «ядром» всего издания. Заметим, что эти указанные причины играют далеко не последнюю роль и в нашем обращении к художественному дискурсу «Современных записок». И все же существенной разницы между «Современными записками» и знаменитыми некрасовско-щедринскими журналами не заметить нельзя. В отличие от революционного-демократических изданий, с их достаточно четкой и ясной политикой и идеологическим рисунком журнальных материалов, «Современные записки», хотя и позиционировали себя как орган, продолжающий традиции русских демократических журналов, не отличались единством и прозрачностью политической позиции и четко обозначенной идеологической направленности не имели.

Эта существенная разница между, казалось бы, схожими и генетически связанными изданиями (возникшими, к тому же, в весьма разных исторических условиях), заставляет нас не столько переосмыслить, сколько дополнить историко-литературную методологию В.Б. Смирнова, вернее, детализировать те ее сегменты, которые потенциально были заложены в основу теоретических посылок исследования. Отсутствие ясной и недвусмысленной позиции «Современных записок» (но не их *философии*) – прежде всего в общественно-политическом аспекте – и, было бы вернее сказать, даже некоторая *противоречивость* между замыслом издания и его воплощением необходимым образом заставили нас искать дополнительных «научных мощностей», которые позволили бы наиболее адекватным образом достичь нашей основной цели.

«Неявный» характер политической и эстетической линий журнала заставляет обращаться к методам, позволяющим «вскрывать» эти *неявные* смыслопорождающие структуры периодического издания, констатировать наличие или же отсутствие *смысловой энтропии* журнальных текстов, находящихся в заведомо определенных условиях взаимного *контекстуального* прочтения. Поэтому самым общим методологическим руслом исследования мы выбрали философскую и культурологическую ассимиляцию концепции «*символических форм*» (Э. Кассирер), получающей разноприродные конкретизации в таких социогуманитарных научных и философских практиках, как феноменология и герменевтика (Ф. Шлейермахер, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер и др.), семиотика и (пост)структурализм в их различных изводах (К. Леви-Строс, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, У. Эко и др.), символический интеракционизм (Д.Г. Мид, Г.Д. Блумер, Т.Р. Янг) и неомифологизм (К.Г. Юнг, М. Элиаде, А.Ф. Лосев, Дж. Кэмпбелл, К. Хьюбнер и др.). Общее следование «философии символических форм» не отменяет, впрочем, нашего потенциального обращения к частным научным методам, обеспечивающим решение конкретных задач, встающих на разных этапах работы. Центральное место среди них занимает охарактеризованная выше историко-литературная методология изучения журналистики (В.Б. Смирнов), дискурсивный и текстоло-

гический анализ медиафеноменов (Л.Е. Кройчик, Б.Я. Мисонжников, И.В. Силантьев), сравнительно-историческая и интертекстуальная методология в ее различных вариациях (Ю. Кристева, Р. Барт, Х. Блум, Ж. Женетт и др.), мифопоэтическая методология (Н. Фрай, Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейденберг и др.), а также коррелирующие с ними методы социологического и психологического изучения массмедиа. Таким образом, реализация принципов культурно-исторической школы русского академического литературоведения в рамках настоящего исследования обогащается целым рядом научных методов, находящихся на стыке различных научных дисциплин, – философии, семиотики, теории коммуникации, социологии, интерактивной социолингвистики, культурологии, когнитивной и социальной психологии, герменевтики и др. Синтез указанных методов позволяет расширить потенциальные границы традиционных методов изучения журналистики и предложить метод изучения *поэтики* журналов, основанный на герменевтическом выявлении корреляции поэтологического и идеологического уровней структуры текста журнала.

Теоретическую базу диссертации, помимо вышеупомянутых исследований, составили работы отечественных и зарубежных теоретиков (Д.А. Барабохин, Л.П. Громова, Н.П. Емельянов, В.И. Кулешов, Г.С. Мельник, В.С. Нечаева, В.А. Твардовская, М.В. Теплинский, В.В. Тулупов, Н.А. Хренов, Ж. Бодрийяр, И. Гофман, Т. ван Дейк, Р. Жирар, Ю. Т. Лукман, Н. Луман, А. Шютц, Г. Шиллер, М. Постер, Д. Кэри и др.) в области медиапроцессов. **Эмпирическая база** исследования не носит категорически однородного характера и включает тексты различных дискурсов (в первую очередь – художественного), напечатанных (в подавляющем большинстве случаев – впервые) на страницах журнала русской эмиграции «Современные записки» с 1920-го по 1940 год, причем мы оставляем за собой право иногда обращаться и к *полному* варианту этих текстов, что позволит избежать нарушения интерпретаций их идейной, проблемно-тематической и художественной целостности

Положения, выносимые на защиту.

1. На текстуальном пространстве «Современных записок» можно эксплицировать некоторое проблемно-тематическое и образное единство, условно определяемое как *русский текст* эмиграции. Он включает в себя ряд достаточно константных комплексов, интенционально ориентированных на осмысление российских событий 1917 года и так же во многом носящих мифопоэтический характер. *Русский текст* охватывает собой большую часть эмигрантских текстов самого различного плана, обеспечивая им особую гомеоморфную целостность и делая возможным прочтение даже весьма «нейтральных» текстов с помощью именно своего кода. Такой подход к текстам журнала в первую очередь выявляет их *социологический код*, позволяющий транслировать *русский текст* эмиграции на самые разнообразные уровни их структуры – от лексико-грамматического и сюжетно-композиционного до категории «метафизических качеств». Герменевтическая процедура позволяет

активизировать в «Современных записках» важнейшие проблемно-тематические комплексы *русского текста*.

2. «Примарной единицей», которая с наибольшей эффективностью обеспечивает трансдискурсивность текстуального пространства «Современных записок», т.е. активное порождение смыслов в художественных текстах журнала за счет корреляции со смыслами текстов других дискурсов (публицистического, философского, мемуарного, исторического и т.д.) и позволяет породить ситуацию *диалога* между текстами различных дискурсов, обеспечивая тем самым смысловую определенность художественному дискурсу журнала и облегчая ту герменевтическую процедуру, без которой адекватная интерпретация текста журнала в целом чрезвычайно затруднена, выступает *символ*.

3. То проблемно-тематическое поле, которое представляет собой *русский текст* «Современных записок», *содержательно* наполняется именно «эмигрантским мифом», неизбежно калькирующим традиционные мифологические циклические структуры, и хронотопически ориентированным на трехчастную структуру классического процесса *космогенеза: Хаос–Космос–Хаос*.

4. Элементы «эмигрантского мифа» структурируются вокруг трех основных *мифологем* (со своим универсальным «набором» символических оппозиций), символически репрезентированных внутри трех основных тем, реализуемых в художественном дискурсе «Современных записок» – *дореволюционная Россия, русская революция, эмиграция*. При этом *дореволюционная Россия* вписывалась в символическую парадигму *мифологемы Космоса* (с ее положительной и «созидательной» аксиологией), *революционная Россия*, соответственно, – в «деструктивную» *мифологему Хаоса*, *эмигрантское бытие* выступало адекватом *мифологемы Возвращения (Космоса)*.

5. Художественный дискурс «Современных записок» почти идеально подходит для анализа экспликаций «эмигрантского мифа». Появившись в *переходную эпоху*, будучи компендиумом *прецедентных текстов* русского зарубежья, претендуя на место «священного текста» эмигрантской культуры, «Современные записки» и их текстуальное пространство выступают уникальным объектом для демонстрации структуры «эмигрантского мифа». И одно из главных условий такой уникальности – бесспорное совпадение осевой – антибольшевистской – линии эмигрантской идеологии и общей антибольшевистской направленности журнала при внешнем идеологическом разнообразии текстуального ландшафта и «Современных записок», и эмигрантской культуры в целом.

6. Основными репрезентантами *мифологемы Космоса* на пространстве *русского текста* «Современных записок» выступают символы *сада* и *дома*, выступающие в качестве символических комплексов, аккумулирующих спасительную и охранительную символику традиционных культур – символика *Центра, мирового древа, золотого века, «взыскуемого» града* и т.д. Реализация

данных репрезентантов проходит в рамках центральной оппозиции *сакральное/профанное*. На страницах «Современных записок» – в рамках дореволюционной тематики – эта символика наиболее широко представлена в романах И. Бунина «Жизнь Арсеньева», И. Шмелева «История любовная», тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба» и малой прозе И. Бунина.

7. Мифологема *Хаоса* реализуется на пространстве *русского текста* «Современных записок» в парадигме *символики зла*, ведущими репрезентантами которой выступают символы не только русской, но и любой другой революции – *потоп, Страшный суд, Атлантида, Антихрист, ад, Голгофа, кладбище, театр, тюрьма* и другие символы, располагающиеся в рамках оппозиции *истинное/ложное*. Эти фундирующие кризисную эпистему образы наиболее полно представлены в тетралогии М. Алданова «Мыслитель», диалогии Д. Мережковского «Рождение богов»–«Мессия» и романах В. Набокова «Приглашение на казнь» и «Отчаяние».

8. Мифологема *Возвращения* фундирует одну из основных тем не только текстов, напечатанных в «Современных записках», но и русского зарубежья в целом – миссии русской эмиграции. Реализация этой темы проходит в рамках символики *убежища* (трилогия М. Алданова «Ключ»–«Бегство»–«Пещера»), символики *памяти и забвения* (роман В. Набокова «Дар»), символики *обрядов перехода* (роман В. Набокова «Подвиг») и *иеротопической* символики (роман Б. Зайцева «Дом в Пасси»).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно выводит знания о функционировании медиафеноменов (в данном случае – литературного и общественно-политического журнала) в рамках определенной культурной целостности на новый уровень научного осмысления и обобщения. В работе сформулированы теоретические положения для мифосимволического изучения журнальных текстов в целом. Материалы и выводы исследования актуальны для характеристики принципов функционирования современного медиасектора в синхроническом и диахроническом аспектах.

Результаты исследования используются в учебных курсах «История отечественной журналистики», «Психология журналистики», «Социология журналистики», в рамках спецкурса «Журналистика русского зарубежья» в Волгоградском государственном университете. Кроме того, положения диссертационного исследования могут использоваться журналистами-практиками, работающими в печатных средствах массовой информации.

Апробация работы. Результаты исследования отражены в монографии «От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940)» (Волгоград, 2008), коллективном учебном пособии «Литература русского зарубежья (1920–1990)» (М., 2006) и еще 31 публикации. Автор делал доклады по

теме исследования на международных конференциях и семинарах в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Новосибирске, Томске, Саранске, Волгограде.

Структура и хронологические рамки диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы из 408 наименований. Хронологические рамки диссертации – 1920-е–1940-е годы с выходом на исторические закономерности.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы диссертации, научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, формулируются цель и задачи, характеризуются теоретическая и практическая значимость результатов работы.

В первой главе **«Русский текст «Современных записок» и трансдискурсивность символа»** дается характеристика журнала «Современные записки» в историко-типологической перспективе и определяется основной теоретический инструментарий, характеризующий парадигму дискурсивного анализа текста журнала.

В первом параграфе **««Современные записки» – литературный и общественно-политический журнал русской эмиграции «первой волны»»** отражены основные этапы становления, развития и исчезновения «Современных записок», самого крупного «толстого» литературного журнала русской эмиграции. В системе русской зарубежной печати 1920–1930-х годов была четкая политическая сегрегация. В основном это были газеты и журналы, коммуникативные стратегии которых отражали направление определенного вектора политической жизни эмиграции. В типологической палитре эмигрантской периодической печати не могла не остаться не заполненной и такая традиционная для русской журналистики ниша, как «толстые» журналы, ориентированные на литературный сегмент информационного поля русской зарубежной культуры. Первым таким «толстым» журналом эмиграции была «Грядущая Россия», основанная в Париже в 1920 году. На смену пришел журнал «Современные записки», сполна отвечающий типологическим требованиям, предъявляемым к традиционным русским «толстым» журналам. «Современные записки» представляли собой самое крупное и влиятельное издание русского зарубежья (некоторые исследователи относят «Современные записки» к числу самых крупных изданий русской журналистики вообще). Это был журнал-долгожитель (выходил с 1920 по 1940 год – всего вышло 70 номеров), на страницах которого были опубликованы художественные, философско-публицистические, мемуарные и критические произведения наиболее видных и известных писателей, мыслителей, критиков и, в целом, деятелей культуры русской эмиграции первой волны. Невозможность переоценки той роли, которую сыграл журнал в истории русского рассея-

ния, хорошо осознавалась и самыми изгнанниками. Рождение нового эмигрантского «толстого» журнала было одним из «пунктов» достаточно широкой издательской программы эсеровски ориентированной («левой») русской интеллигенции. Редакторами были выбраны пятеро членов эсеровской партии: М.В. Вишняк, А.И. Гукковский, В.В. Руднев, Н.Д. Авксентьев и И.И. Бунаков-Фондаминский. Кроме того, соблюдая принцип межпартийности, было решено, что пятеро эсеров не будут фигурировать на обложке в качестве редакторов: вместо этого будет обозначено, что журнал выходит «при ближайшем участии» фигурантов. Композиционная структура журнала была трехчленной. Первым шел традиционный для «толстых» журналов художественный (без названия) раздел, состоящий из двух немаркированных частей – проза и поэзия (в этом же разделе – опять без дополнительного деления – публиковались и (философская) публицистика). Вторым по объему (не всегда) и очередности шел раздел «Культура и жизнь», в состав которого входили статьи на самую разную тематику – политика, философия, экономика, культура и т.д.. Чаше всего статьи содержали те или иные из этих аспектов в различной степени вариативности. Третий – последний – раздел назывался «Критика и библиография» и содержал достаточно большое количество обзоров и рецензий на книжные «новинки» как на русском, так и на иностранных языках. «Современные записки», несмотря на свое «эсеровское происхождение», не мыслился своими создателями как партийный орган, наоборот, позиционировал себя как *внепартийное*, более того, отнюдь не узко-политическое издание, но ориентированное на освещение общих культурных приоритетов («аттитюдов») эмигрантской («старой») России. В программном заявлении редакции говорилось: ««Современные записки» посвящены прежде всего интересам русской культуры. <...> «Современные записки» открывают поэтому широко свои страницы, – устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке, – для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры.» (Современные записки. 1920. № 1. С. III). Противоречием между декларируемой партийной («демократической») и общекультурной направленностью журнальной политики и обусловлен дальнейший поиск структур, обеспечивающих дискурсивно-семантическую целостность журнала.

Во втором параграфе **«Русский текст и текстуальное пространство «Современных записок»»** определяются эпистемологические условия, в которых проявляет себя структурное единство журнальных элементов. В парадигме предложенной Б.Я. Мисонжниковым методики анализа периодического издания как текстуального образования, в рамках которого преодолевается неизбежная энтропия его структур, «Современные записки» могут быть представлены как единое текстуальное пространство (или, если воспользоваться терминологией Ю.М. Лотмана, *текст*), объединяющего множество различных текстов различной дискурсивной

принадлежности. Приоритетное положение занимал *художественный дискурс*, формальные границы которого совпадали с пространством художественного раздела «Современных записок». Именно художественный раздел играл определяющую роль в журнале, что позволило В.Ф. Ходасевичу очень точно охарактеризовать «Современные записки» как *выставку литературы* русского зарубежья. На страницах художественного раздела, действительно, был представлен весь «цвет» эмигрантской культуры. Ни один не только эмигрантский, но и вообще российский журнал не мог похвалиться таким богатым средоточением текстов крупнейших поэтов, прозаиков и драматургов на одном текстуальном пространстве журнала (М.В. Вишняк насчитывает 42 «беллетриста, романиста и драматурга»), Эстетические и общественно-философские позиции этих писателей не отличались гомогенностью, поэтому необходимость обнаружения объединяющего их тексты семантического поля диктует обращение к понятию *русского текста* «Современных записок».

Созданный по модели «петербургского текста» В.Н. Топорова, *русский текст* эксплицируется в литературе и – шире – в культуре русского зарубежья некоторое проблемно-тематическое, образное, идейное и мифопоэтическое (мифологическое) единство, условно определяемое как *русский текст эмиграции*. Он включает в себя ряд достаточно константных (ментальных, но закрепленных текстуально) комплексов, интенционально ориентированных на осмысление российских событий 1917 года, «фоном» которых выступают самые широкие пласты как русской, так и всемирной истории. *Русский текст* тем самым, как и «петербургский», ограничен не столько локально (Россия), сколько «перспективно» («судьбы мира» в целом), и имеет не столько тематическое (тексты о России), сколько проблемное «измерение». *Русский текст* охватывает собой абсолютное большинство эмигрантских текстов самого различного плана, принадлежащих самым разным дискурсам, обеспечивая им особую гомеоморфность, а в специфических условиях (то есть будучи помещенными в единое текстуальное пространство, в частности, в журнальное) делая возможным прочтение даже весьма «нейтральных» текстов с помощью именно своего «кода». Большая часть этих (*прецедентных* для культуры русского зарубежья) текстов была опубликована на страницах «Современных записок», что позволяет говорить о *русском тексте* журнала. При этом философско-публицистический дискурс «Современных записок» является доминирующим в экстраполяции стержневой проблемы *русского текста* – «Россия и революция», накладывая на тексты соседних дискурсов (художественного, критического, собственно философского) именно свой – социологический – код прочтения.

В третьем параграфе «**Трансдискурсивность символа: семантический потенциал символики в художественном дискурсе «Современных записок»**» рассматриваются механизмы трансдискурсивного переноса семантических структур текстуального пространства «Современных записок» в условиях принципиаль-

ной полидискурсивности журнала. «Осевая» проблематика *русского текста* возникает в границах философско-публицистического дискурса «Современных записок», но в силу нескольких причин искомого *единства* эти границы не обеспечивают. Во-первых, нет этого единства внутри самих этих границ – идеологические позиции ведущих публицистов и философов журнала по поводу «русского вопроса» не отличались единодушием, а иногда, как, например, в большом цикле статей Ф.А. Степуна «Мысли о России», грешили и внутренней противоречивостью. Во-вторых, первая причина делает невозможным перенос четко артикулированных смыслов философско-публицистического дискурса на семантическое поле дискурсов соседних, но это не значит, что корреляций между дискурсами не существует. Но – и на примере «Современных записок» это репрезентативно демонстрируется – публицистический дискурс накладывает свой – социологический – код прочтения на тексты соседних дискурсов – собственно философский, критический, мемуарный, но в первую очередь, конечно, на самый сложный и «продуктивный» из них – художественный. Именно прочтение текстов художественного дискурса с помощью социологического кода рождает те эффекты, которые легли в основу *русского текста* «Современных записок», гарантирующего искомое семантическое единство всех текстов, попадающих на его «территорию». Механизм этого переноса, этого *движения* смыслов *русского текста* между столь различными дискурсами журнала обеспечивает *символ*, который берет на себя функцию некоего флуктуанта, переносящего смыслы одних текстов на другие, создающего почву для их гомогенности в общем текстуальном пространстве журнала. Именно символу уготована особая роль «синтезатора» – и одновременно «генератора» – смыслов на пространстве *русского текста* «Современных записок», уготована благодаря, пожалуй, самой главной своей особенности – стремлению к *целостности*, сведению воедино казавшихся автономными элементов. Принципиальная полисемия, «система смысловых отсылок» символа позволяет представить в виде целостности то, что при иных условиях анализа представало бы в виде разрозненных смысловых конвергенций, автономных квазисемиотических образований. Но в то же время эта *полисемия* символа, позволяющая стягивать воедино представляющемся дискретными сегменты смысловой целостности в конкретной «точке» символического образа, не смогла бы достичь этого эффекта без соблюдения одного важного условия – своего *самоограничения*. Оно связано с артикуляцией одних значений и латентным выражением других в условиях совершенно определенной коммуникативной ситуации – определенной тем естественным «ограничителем», который неизбежно диктует свои условия протекания процесса *означивания* и который уже попадал в поле нашего зрения, – *контекстом*. При этом функционирование символических конструкций на полидискурсивном текстуальном пространстве периодического издания (в данном случае – русского «толстого» журнала) может быть сравнимо с функционированием символических форм на пространстве культуры, в рамках которого структу-

рообразующую роль всегда играли тексты с наиболее релевантными коммуникативными тактиками. В традиционных культурах эту роль *место-держателей* смыслов культуры (В.В. Меликов) выполняли сакральные (мифологические) тексты, а сегодня, как справедливо указывает В.В. Меликов, на «архетипический, изначальный для культуры» вопрос «о бытии блага и должного» отвечают медиатексты, тексты СМИ, своеобразным паттерном, «матрицей» которых выступает *текст газеты*⁹. Роль такого «сакрального» и даже *мифометафорического* (термин В.В. Меликова) текста, содержащего информацию о «благе и должном» конкретной культуры не могли не сыграть «Современные записки» – самый крупный журнал русской эмиграции, на страницах которого были опубликованы почти все самые известные (*прецедентные*) художественные тексты русского зарубежья.

Четвертый параграф «**Системность символа: от русского текста к «эмигрантскому мифу»**» посвящен проблемам семантической структуризации *русского текста* «Современных записок» и формам репрезентации социальной мифологии эмигрантской культуры на текстуальном пространстве журнала. Функционируя в качестве системы, символы неизбежно реализуются в качестве *мифа*, выступающего – при допустимом уровне обобщения – формой объяснения мира. Являясь феноменом коллективной ментальности, с одной стороны, и системой символов, с другой, миф выступает формой *символической коммуникации*, которая, в свою очередь, и обеспечивает в конечном счете социальную *стабильность* и *устойчивость* в конкретных рамках культурной аксиологии и прагматики. Можно выделить трехчастную хронологическую структуру мифа. Первый период – *магический* – охватывает архаическую стадию развития цивилизаций. Вторым – *религиозный* – характеризуется обретением мифологическими элементами новой, религиозной, формации. Кризис этого периода, как известно, был связан с наступлением европейского рационализма, породившего третью «мифологическую эпоху» – эру *современного (социально-политического) мифа*. Не вызывает никаких сомнений общая для исследователей современной мифологии убежденность в том, что чрезвычайная активизация архаических мифологических элементов в массовом сознании происходит именно в эпохи *социальных кризисов*, когда на первый план выходит эмоциональная оценка происходящих событий и катаклизмов. Революция, последовавшая за ней эмиграция и связанные с ними лишения не могли не вызвать в сознании эмигрантов архетипических процессов и кризисных эффектов, и изучать их на примере анализа периодических текстов именно русской эмиграции «первой волны» тем продуктивнее, что они носят здесь цельный характер. Весьма прозрачной представляется корреляция (ре)генерации мифологических элементов в коллективной ментальности эмигрантов и той «психологической травмы», переживание которой явилось оболочкой для кристаллизации и дальнейшей объективации *кризисных ми-*

⁹ См.: Меликов В.В. Введение в текстологию традиционных культур (на примере «Бхагавад-гиты» и других индийских текстов). М.: РГГУ, 1999. С. 60–61.

фологем – опыта крушения Империи и всего, что было связано с многовековым укладом русской жизни, и опыта изгнания, бессильного и трагического. Это позволяет эксплицировать такой феномен, как *эмигрантский миф*, имеющий право на существование хотя бы в силу того, что возможно выделение самых различных видов социально-политических мифов. Проблемно-тематическое поле *русского текста* «Современных записок» *содержательно и архитектурно наполняется именно «эмигрантским мифом»*, семантика которого неизбежно калькирует *традиционные* мифологические структуры, и хронотопически ориентирована на трехчастную структуру классического процесса *космогенеза: Хаос – Космос – Хаос*. Будучи порождением циклических представлений о времени, космогонические мифы подразумевают периодическое *повторение* основных этапов космогенеза, смену Хаоса Космосом, Космоса Хаосом, Хаоса Космосом и т.д., поэтому – и особенно ярко это демонстрируется на примере анализа *русского текста* «Современных записок» – в очень специфических условиях эмигрантской ментальности эти этапы, выступая как особые *мифологемы* (со своим универсальным набором символических оппозиций), достаточно жестко соотносились и ассоциировались с «русской судьбой». При этом *дореволюционная* Россия вписывалась в символическую парадигму *мифологемы Космоса* (с ее положительной и «созидательной» аксиологией); Россия *революционная*, соответственно, – в «деструктивную» *мифологему Хаоса*, тогда как инкрустированное символиккой «хранения» *эмигрантское бытие* выступало адекватом *мифологемы Возвращения (Космоса)*. Как хорошо видно, здесь сохраняется и четко прослеживается «трехмерная» структура хронотопа «эмигрантского мифа»: Россия прошлая («потерянная»), Россия настоящая («большевистская») и Россия будущая («возвращенная», возрожденная пусть даже «виртуально» – в эмиграции).

Онтологически *нарративная* природа (социального) мифа, вне рамок традиционных культур тесно коррелирующая с политической идеологией, Миф всегда «работает» с образами, помещенными в пространственно-временной континуум, ему чужды теоретические абстракции – и с этой точки зрения художественный дискурс «Современных записок» почти идеально подходит для анализа экспликаций эмигрантского мифа. Появившись в *переходную эпоху*, будучи компендиумом «прецедентных текстов» русского зарубежья, претендуя на место «священного текста» эмигрантской культуры, «Современные записки» и их текстуальное пространство выступают уникальным объектом для демонстрации *структуры эмигрантского мифа*.

Во второй главе «**Символические репрезентации мифологемы Космоса на семантическом пространстве русского текста «Современных записок»**» последовательно анализируются символические структуры журнальных текстов, наиболее аутентично репрезентирующие мифологему *Космоса*.

Первый параграф «*«Жизнь Арсеньева» и «усадебный миф» И.Бунина на пространстве русского текста «Современных записок»*» посвящен анализу символических комплексов, актуализированных в романе И.Бунина «Жизнь Арсеньева», ставшего важнейшей частью текстуального пространства журнала. В романе эксплицируются базовые для семантики *русского текста* символические образы, ярко иллюстрирующие кризисную эмигрантскую ментальность в условиях очередной «переходной эпохи». Неизбежное напряжение и активизация в это время мифологических/архетипических культурных констант создает во многом уникальную ситуацию, когда логике *мифомышления* начинают подчиняться все социальные практики – и в первую очередь искусство и медиатехнологии как ведущие области массовых коммуникаций. Большая часть самых значительных произведений И. Бунина периода эмиграции была опубликована в «Современных записках», постоянным и очень ценным редактором которых он являлся. Свое любимое «детище» – роман «Жизнь Арсеньева» – Бунин писал и публиковал частями, сначала в журнале, а затем выпустил и отдельное издание. Первые четыре части были опубликованы (фрагментарно) в четырех номерах «Современных записок» с 1928 по 1929 год (№ 34, 35, 39, 40), а в виде отдельной книги изданы в 1930 (Париж: Современные записки) с подзаголовком «Истоки дней». Пятая, последняя («Лица»), написанная Буниным в 1933 году, была сразу же опубликована в двух книгах журнала (№ 52, 53), а отдельно выпущена издательством «Петрополис» (Брюссель) в 1939 году. Мифологема (русского) *Космоса* представлена в романе целым рядом мифологем и символических образов. Одной из основных выступает мифологема *Золотого века (утраченного рая)*, публицистическая апробация которой представлена в «Современных записках» в статьях В. Вейдле и М.Цветаевой. *Русский Космос* у Бунина структурируется как неразделимое единство трех базовых символов – *сада, дома и дерева*, выступающих в качестве архетипических инкрустантов мифологемы *Центра Мира*. Сад с домом и центрирующим этот мир *Древом* с неудивительным постоянством выступает у Бунина в качестве единого символического комплекса. В «Жизни Арсеньева» они образуют единый топос, пространство, наделенное целым рядом символических признаков, главными из которых выступают «закрытость» и «надежность». Путь, пройденный Алешей Арсеньевым на протяжении повествования представляет собой череду последовательно сменяющих друг друга утрат. Утрату «родового гнезда» сменяет утрата Лики, а ее, в свою очередь, – утрата и самой России. Усадьба, Лика и Россия тем самым выступают как семантические дубликаты. В условиях *русского текста* «Современных записок» символические репрезентации в романе функционируют в рамках двух мифологических парадигм – «усадебного мифа» русской культуры (термин Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой) и «эмигрантского мифа». Эсхатологические векторы «усадебного» и «эмигрантского» мифов пересеклись в том числе и на пространстве *русского текста* «Современных записок», ведущие

сотрудники которых – Бунин, Зайцев, Шмелев, Осоргин – не только изображали, но и были свидетелями не *органичной*, но *насильственной* смерти родовых гнезд. Последний смысл стал возможен лишь *после* ее утраты, когда осуществилось инкорпорирование «кодов» усадебного мифа в миф эмигрантский и наоборот – когда начало эмигрантского мифа означало конец усадебного. С этим связано и максимальное – в условиях контекстуального журнального прочтения «Жизни Арсеньева» – усиление сугубо публицистических элементов поэтики романа, претендующих на небольшое философско-публицистическое исследование особенностей русского менталитета, интенсивно ведущийся «интеллигентский полилог» о котором велся на страницах «Современных записок» в статьях его ведущих публицистов. Созидательной символике (русского) *Космоса* в романе противопоставляется разрушающие космос дореволюционной России символы революционного *праздника* и *театра*. При этом являясь частным проявлением системообразующей для эмигрантской культуры оппозиции *подлинного/ложного (истинного/кажущегося)*, будучи укорененными на пространстве *русского текста* журнала, эти публицистические пассажи выглядят уже не столько как инвективы, сколько горькая констатация «переходного» характера ментальности русского человека, о чем в той же тональности, писали ведущие публицисты «Современных записок» (Ф. Степун, Г. Федотов, Г. Флоровский и др.).

Во втором параграфе «**По темным аллеям памяти: малая проза И. Бунина и русский текст «Современных записок»**» анализируется символическая инкорпорация в пространство *русского текста* журнала рассказов И. Бунина, напечатанных в «Современных записках». В «Несрочной весне» перед нами разворачиваются синонимические символические ряды с жестко определенной пространственно-временной организацией. Пространство покинутой усадьбы соотносится с пространством дореволюционной России, а «московское» пространство – с Россией современной. Соответственно «мертвое» *прошлое* ушедшей России позиционируется к кажущемуся живым ее *настоящему*, но происходит «чудо» – главный герой (символизирующий «последних из россиян») воскресает из (причем буквально – в публицистической тональности пассажа) мертвых: «Да, я чудом уцелел, не погиб, как тысячи прочих, убиенных, замученных, пропавших без вести, застрелившихся, повесившихся, я опять живу и даже вот путешествую. Но что может быть у меня общего с этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную! Я живу, – и порою, как вот сейчас, даже в какой-то восторженной радости, – но с кем и где?» (Современные записки. 1924. № 18. С. 17). Символика утраты целостности *Космоса* (заявленная и в очерке И. Бунина «Цикады» (1925. № 26)) очень широко представлена на текстуальном пространстве журнала – в частности, в коррелирующем с бунинской прозой рассказе В. Набокова «Ужас» (1939. № 68), в котором утраченный рай прошлой России репрезентирован с помощью деструктивной символики *лабиринта*. Символическая оппозиция истинного (космического) бытия

прошлой России и ложного (инфернального) существования России революционной лежит в основе и таких рассказов писателя, как «Божье древо» (1927. № 33), «Красный генерал» и «Товарищ Дозорный» (1924. № 22). При этом «непосредственная» оценочность Буниным русской революции в рамках публицистики «мифологизируется» в художественных текстах писателя, оказываясь включенной в достаточно широкий спектр символических значений и противопоставлений, инкрустирующих и четко артикулируемый писателем «русский пассеизм».

Третий параграф «Сад и пространство греха: «История любовная» И. Шмелева на страницах «Современных записок»» посвящен трансферной семантике символического рисунка романа И. Шмелева «История любовная», печатавшегося в журнале в одних номерах с «Божьим деревом» и двумя первыми книгами «Жизни Арсеньева» и так же помещенного в контекстуальные условия *русского текста* журнала. На протяжении почти всего повествования главного героя этого во многом автобиографического романа, гимназиста Тоню, не покидает ощущение полноты бытия и света, разлитого по всему *русскому Космосу*. Как и у Бунина, у Шмелева сохраняется устойчивая ассоциация отчего крова с (потерянным) *раем*, ближайшим символическим релевантом которого остается Россия. И в то же время этот рай *русского Космоса* в «Истории любовной» ясно окрашен в *православные тона* – и этим объясняется «особая» позиция на пространстве *русского текста* таких писателей, как Шмелев и Зайцев. Райское детское бытие героя аранжируется охранительными символами *Христа* и *Церкви*, которым противопоставляется разрушительная символика *греха (зла)*, представленная символами *дьявола, быка, искушения, вакханки* и т.д.:

История Тониного «грехопадения» разворачивается на сакральном пространстве *сада*, долженствующем обладать райской, но на самом деле имеющем инфернальную символику – герои («Адам и Ева») спускаются в «Чертов овраг», противопоставленность которого замоскворецким церковным куполам дублирует мифологическую противопоставленность *неба* и *ада*, манифестация которой в поэтике «Истории любовной» более чем прозрачна. Артикулируемое исследователями и критиками романа в качестве осевой его проблематики противостояние греха и добродетели подразумевает ее постановку в рамках оппозиции *добро/зло*, что неизбежно обостряет и дихотомию *Космоса* и *Хаоса*, структурирующую «эмигрантский миф». Перенос указанной проблематики из сферы субъективно-личностной в *социальную* и антропологическую обеспечивается включением «Истории любовной» в *русский текст* «Современных записок» – что позволяет говорить о достаточной напряженности в нем социального кода. Противопоставление *Космоса* и *Хаоса* у Шмелева может быть интерпретировано как оппозиция двух состояний до-революционного русского социума – экстатически-расслабленного, «дионисийского», и сосредоточенно-собранныго, «соборного» состояния. Преодоление «греховного» кризиса в «Истории любовной» проходит в парадигме *исповедальной (мета-*

нойной), *искупительной* и *жертвенной* символики, которая на текстуальном пространстве журнала коррелирует с аналогичными конструкциями как в рамках художественного (символика *Богородицы* в «Хождении по мукам» А.Н. Толстого (Современные записки. 1921. № 5) и символика *искушения* в «Митиной любви» И. Бунина (Современные записки. 1925. № 23–24.), так и в рамках философско-публицистического дискурсов (публицистика Ф. Степуна, Д. Мережковского, Г. Флоровского и др.).

Совершая имманентную *русскому тексту* процедуру символического переноса образа (потерянного) рая на образ России, но с учетом семантики рая как места грехопадения, на текстуальном пространстве «Современных записок» мы со всей ясностью можем эксплицитировать взгляд на *Россию как пространство греха*, общепринятость которого для эмигрантской культуры не оставляет никаких сомнений. Его греховность («испорченность», нечистота) корреспондируется авторами журнала на совершенно разные периоды истории России, в первую очередь, конечно же, на периоды кризисов, отличающиеся активизацией деструктивных сил, приведших, в итоге, к гибели страны. Чаще всего обвинения – прямые или косвенные – звучали в адрес «левой интеллигенции», облегчившей путь к приходу к власти большевиков. Эти инвективы породили по меньшей мере два любопытных феномена русского зарубежья первой волны – «комплекс вины» (левой) интеллигенции и педалирование темы «грехов отцов» со стороны эмигрантской молодежи.

Аналогичные мифосимволические структуры анализируются и в четвертом параграфе «Символика *пути* в тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба»». Образ рая как одной из основных репрезентаций мифологемы (русского) *Космоса* выступает в качестве определяющего элемента (символа, мотива, темы и т.д.) и в романной тетралогии «Путешествие Глеба» Б.К. Зайцева, творчество которого своими христианскими основаниями максимально приближено к творчеству И. Шмелева и в то же время отчетливо иллюстрирует проблематику «эмигрантского мифа» в целом. В тетралогии входит четыре романа, писавшиеся Зайцевым в течение чуть менее двадцати лет: «Заря» (1937), «Тишина» (1948), «Юность» (1950), «Древо жизни» (1953). Фрагменты первых двух из них и увидели свет в «Современных записках» с 1936 по 1940 год (№№ 60, 62, 67, 69–70), страницы которых достаточно щедро предоставлялись Зайцеву, сотрудничавшему с журналом почти на всем протяжении его существования. Лишенное жестко организованной сюжетной канвы, автобиографическое «Путешествие Глеба» в самом общем виде являет нам историю жизни и странствий Глеба, сначала мальчика, погруженного в неспешное бытие русской провинции, затем отрока-гимназиста, юноши-студента и, наконец, эмигрантского писателя, размышляющего о пройденном вместе со многими *русском пути* – автор создает целостную картину *бытия, угасания и возрождения русского Космоса*, картину, увиденную глазами и пропущенную через внутреннее –

онтологическое – «Я» Глеба – Бориса Зайцева. В самом общем виде тетралогия Зайцева, как и бунинский роман представляют собой *историю постепенных утрат* – сначала отчего дома, а в конечном счете и символически репрезентируемой им России. Этот мотив *пути потерь* отчетливо аранжируется богатой амбивалентной символикой *Рождества, Младенца Иисуса, дома, сада, ели, праздника*. Но центральное место в тетралогии занимает, конечно, символика *пути* со структурообразующим архетипом *дороги*.

Тема *путешествия*, или *Пути*, герменевтически заявлена уже в заглавии зайцевского текста. Символическая артикулированность этой темы, к примеру, в той же «Жизни Арсеньева» очередной раз демонстрирует единство *русского текста* «Современных записок». Одной из самых ярких черт художественной парадигмы «кризисных эпох» выступает *смена* архетипа *дома* архетипом *дороги*, отражающая общий *переходный* характер кризисных эпистем с их пограничными, *лиминальными* (В. Тэрнер) культурными ценностями и ориентирами. Поэтому на первое место в тетралогии выходит архетипическая фигура *странника*. В «прецедентных текстах» русского зарубежья образ странника (в связке с образом потерянного *дома/отечества* и его символическими репрезентациями) используется чрезвычайно часто и активно. Их предельная концентрация на текстуальном пространстве «Современных записок» позволяет нам очередной раз продемонстрировать «эпистемологическое родство» текста журнала и Текста эмигрантской культуры. В центре образной структуры романов и повестей (исключением не выступают и произведения «малых» жанров) Набокова, Алданова, Осоргина, Зайцева, Шмелева, Бунина, Мережковского и других ведущих писателей русского зарубежья, чьи тексты щедро публиковались на страницах «Современных записок», стоит фигура *странника, изгнанника*, пытающегося вновь обрести потерянный *Дом*, вернуть недостижимый рай, найти утраченное время. Ради этой цели они и начинают свой *Путь* – через географические и метафизические пространства. Таким образом, *герой-путник* все время находится в ситуации *перехода*, пересечения пространственных, временных и символических границ, в рамках которых им и осуществляется *поиск* утерянных, растрченных или незамеченных вовемя ценностей. Ярчайшим представителем такого типа героев и выступает зайцевский Глеб, путешествие которого – от отчего дома в географическом сердце патриархальной России и до обретения незримого *Града Китежа* в ее сакральном центре – тесно связано с реализацией образного потенциала указанных символических комплексов. Но спасение и сохранение *русского Космоса* становится возможным лишь при условии, что образ пути в тетралогии обретает третье – *символическое* – значение. Это *путь к себе*, поиск себя в этом мире, путешествие вглубь собственной души, *путь самопознания*. Действительно, Глеб совершает движение не столько по пространству России, сколько по пространству собственной памяти, тем самым эту Россию и воскрешая, воссоздавая заново. Процесс воссоздания этой «потаенной» России инкрустируется в «Путеше-

ствии Глеба» символикой *жертвоприношения*, *Церкви и Града Китежа*, а также целым рядом символических фигур – Данте, Николай Чудотворец, святые мученики Борис и Глеб. Поэтому в тетралогии перед нами предстает даже не столько биография Глеба, сколько «биография России», пропущенная через внутреннее «я» героя-автора, очередное изобретение *пути русского человека* в условиях разрушающегося, но долженствующего быть восстановленным *русского Космоса*.

В третьей главе «**Символика мифологемы Космоса на семантическом пространстве русского текста «Современных записок»**» последовательно анализируются символические структуры журнальных текстов, наиболее аутентично репрезентирующие мифологему *Хаоса*. Значительная (и даже претендующая на приоритетное положение) часть текстуального пространства «Современных записок» отводится на раскрытие проблемно-тематического комплекса *русской революции*, причем прямая интеграция этого комплекса в данное пространство проходит в рамках публицистического дискурса. Непосредственное описание революционных событий в России начала XX века наблюдается и в рамках дискурса *художественного* («Няня из Москвы» И. Шмелева, «Бегство», М. Алданова, «Сивцев Вражек» М. Осоргина, рассказы А. Ремизова и др.), но нас в первую очередь будет интересовать область *репрезентаций* указанного комплекса – те условия, при которых его символическая редукция становится обратно пропорциональной расширению его смысловых границ. «Революционная» тематика оказывается уже общей *эсхатологической* и *апокалиптической* интенциональности целого ряда «кризисных» текстов «Современных записок», в каждом из которых *мифологема Хаоса* получает свое сигнификативное комплектование.

Первый параграф «**«Ужас Истории»: тетралогия М. Алданова «Мыслитель» на страницах «Современных записок»**» посвящен анализу символических репрезентаций русской революции в романной тетралогии М. Алданова «Мыслитель», помещенной на семантическое пространство *русского текста* журнала. Творческая судьба М.А. Алданова (М.А. Ландау), как никакого другого, пожалуй, сотрудника, была очень тесно связана с «Современными записками». Здесь увидели свет все крупнейшие художественные произведения Алданова, написанные до его отъезда в Америку, а также ряд рассказов, статей, рецензий и исторических очерков. В основе *философии истории* Алданова лежит понятие *случая*, т.е. писатель отрицал законы истории как таковые и считал историю лишь царством слепого случая. Именно *русская революция* заставила Алданова, как и многих эмигрантов, обратиться не только к вопросу «была ли она предопределена историей», но и к вопросу более широкому: «А существуют ли *законы истории* вообще?». И, по большому счету, все произведения писателя, напечатанные на страницах «Современных записок», представляют собой развернутый ответ на эти вопросы. Все романы Алданова связывает взгляд на *историю как бессмысленный хаос*, лишенный строгих закономерностей, оправдывающих или объясняющих социальные

катаклизмы, прежде всего войны и революции. Констатация этого бессилия историзма и бессмысленности Истории, представляющей собой лишь «игру слепого случая», отчетливая декларация *метаисторических* основ «исторического» процесса, попытка инкорпорировать в него элементы *мифологической* картины мира (в частности, такой немаловажный элемент, как циклическая концепция «вечного возвращения») проходит через все романы Алданова, опубликованные на страницах «Современных записок».

Первые четыре из них Алданов впоследствии объединил в единую тетралогию под общим названием «Мыслитель», повествующую о событиях времен Великой французской революции и наполеоновских войн. Действие всех четырех произведений охватывает наиболее драматичные события европейской и русской истории с 1793 по 1821 годы. В «Девятом термидора» (1921–1922. №№ 7–9, 11, 13) Алданов художественно интерпретирует историю знаменитого переворота; в центре романа «Чертов мост» (1924–1925. №№ 21, 23, 25) – смерть Екатерины II и переход Суворова через Альпы; в романе «Заговор» (1926–1927. №№ 28–32) рассказана история убийства Павла I. Роман «Святая Елена, маленький остров» (1921. № 3–4), где писатель рисует последние дни ссыльного французского императора, событийно завершает, таким образом, весь цикл в целом. «Изолированное» прочтение этих романов практически не предполагает наличия дополнительных коннотаций, но их включение в *русский текст* «Современных записок» позволяет – в этих принципиально иных герменевтических условиях – прочесть алдановский цикл как произведение о «революциях вообще», об их смысле, истоках, природе и результате. И в основание этой герменевтической процедуры кладется один из обязательных принципов конструирования мифа – *обращение к прошлому* для объяснения настоящего и будущего – таков один из постулатов любой социально-политической мифологии. По мысли К. Леви-Строса, обязательным условием функционирования мифа является *отсылка к культурному или историческому прецеденту*. Последнее прежде всего относится к культивированию современного социального мифа, и если традиционная мифология предполагает «вечное возвращение» к утраченным Источкам (М. Элиаде), то вхождение в Историю (К. Ясперс) делает неизбежным периодическое обращение к историческим прецедентам и целым историческим архетипам. На текстуальном пространстве «Современных записок» в качестве ближайшего исторического репрезентанта русской революции выступает не только революция французская. На эту связь, целостность прошлого, настоящего и будущего указывает прежде всего *символика* тетралогии Алданова. Главный, обобщающий авторскую историософию символ *хаоса Истории* – это дьявол, демон, один из химер Собора Парижской Богоматери, показывающий язык тщетно копошащемуся внизу людскому муравейнику. Но вместе с тем включение этого центрального символа тетралогии в смысловое пространство *русского текста* «Современных записок» активизирует совершенно определенные коды, и в качестве структурообразующей

в образе начинает выступать именно семантика *искушения*, хотя в целом оппозиция *Бог/дьявол* как репрезентант более широкой оппозиции *добро/зло (Космос/Хаос)* на пространстве *русского текста* журнала представлена очень широко. (Пост)романтическая метафора беса-искусителя для культуры русского зарубежья первой волны оказалась весьма органичной, видимо, понимание русской революции в конспирологическом ключе – как *заговора* – наложило свой отпечаток и на семантику художественных (мифологических) образов. На текстуальном пространстве «Современных записок» сконцентрированы тексты, в которых инвариантная символическая фигура *дьявола* репрезентирована именно его тентатическими коррелятами – фигурой *трикстера* в романах В.Набокова и фигурой *Антихриста* в текстах Д. Мережковского.

Но это не значит (и об этом писатель прямо заявляет в «Ульмской ночи»), что «хаос Истории» непреодолим и фатален – о возможном спасении говорят не только «охранительные» символы тетралогии, но и прямые публицистические пассажи, опять «отданные» авторскому alter ego – Пьеру Ламору. Так, в одном из своих программных монологов, посвященных бессилию демократии перед лицом революционного хаоса, алдановский легат указывает на единственный оставшийся выход из ситуации – спасение остатков культуры: «Никто не верит Директории, никто не верит в демократию. Какая уж демократия, когда исчезла у людей последняя тень уважения друг к другу! Наверху у правителей круговая порука пролитой крови, бесчисленных преступлений. Внизу в обществе круговая порука трусости, угодничества, лицемерия. Каждый знает все о других. Все узнали цену друг другу. Возьмите нашу молодежь, она уважает только силу. <...> Моральный багаж растерян. <...> Поймите, теперь есть только одна задача, сколько-нибудь стоящая усилий: надо спасти остатки французской культуры...» (Современные записки. 1924 № 21. С.104). Именно в *спасении русской культуры* видели свою основную миссию и создатели «Современных записок», поставив эту задачу в основу программы издания. Насколько эта идея была интегрирована на пространство *русского текста* журнала (и разворачивалась она, разумеется, в первую очередь в рамках публицистического дискурса), свидетельствуют прежде всего многочисленные статьи ведущего сотрудника журнала, крупнейшего русского философа и богослова Г.Федотова (цикл статей «Проблемы будущей России» (Современные записки. 1931. №№ 43, 45–46).

Второй параграф «**До и после Апокалипсиса: творчество Д. Мережковского в русском тексте «Современных записок»**» посвящен анализу проблем интеграции полижанровых произведений Д. Мережковского на текстуальное пространство журнала. В «Современных записках» были напечатаны два романа писателя – диалогия «Рождение богов (Тутанкамон на Крите)» (1924, №21–22) и «Мессия» (1927–1928, №27–32) – и философско-публицистическая эссеистика, служащая своеобразным комментарием к романам. Несмотря на постоянное стремление

редакции «Современных записок» дистанцироваться от идей Д. Мережковского и З. Гиппиус, два условия способствуют органичному их вхождению в *русский текст* журнала – это их отчетливая религиозно-мифологическая интенциональность и явная полижанровость. Мережковский обращался к истории прежде всего для иллюстрации *современного* (и даже будущего) состояния человеческой цивилизации. Исторические (и метаисторические – легендарно-мифологические) события служили для него звеньями одной цепи, сценами одной великой пьесы, заключительный акт которой – освященный религией «Третьего завета» *конец Истории* и *Апокалипсис* – он пророчески предрекал в своих произведениях. Как и Алданов, Мережковский ощущал «ужас Истории», но, в отличие от автора «Мыслителя», видел в Истории не столько бессмысленный и трагический хаос, сколько арену извечной борьбы двух противоположных начал – добра и зла, света и тьмы, праведности и греха, Христа и Антихриста. «Земная история» была для Мережковского лишь частью *Истории-как-Мистерии*, и скорый конец ее был предрешиен, лучшими доказательствами чего сегодня могли служить, по Мережковскому, мировые войны и *русская революция* (Октябрьский переворот) как победа абсолютного и метафизического зла, торжество *Антихриста*. Отчетливый социологический – российский – код произведений писателя активизируется и получает инспиративный статус при включении романов Мережковского в *русский текст* «Современных записок». Вместе с тем надо учитывать и тот немаловажный факт, что нарративные конструкции Мережковского имеют явную (нео)мифологическую интенциональность. Писатель не раз подчеркивал, что он сознательно выбирает форму *мифа* для того, чтобы (в том числе) получить возможность раскрыть подлинный смысл происходящего *сегодня*. Структурообразующую роль в «Рождении богов» играют два базовых символа, в ином контекстуальном режиме выступающих в качестве мифологем, – это символы *лабиринта* и *креста*. Символ *лабиринта* призван актуализировать смысл утраченных ориентиров и их поиска. Блуждающие в лабиринте политеизма герои романа не могут найти успокоения, не могут избавиться от смутной онтологической тревоги, не в силах найти ответы на мучительные вопросы собственного бытия и бытия культуры в целом.. Символика *лабиринта* дополняется Мережковским символикой *маски*, семантический потенциал которой также впитан в парадигму противопоставления *истинного/ложного* и на текстуальном пространстве «Современных записок» активно артикулируется прежде всего в романах В. Набокова «Приглашение на казнь», «Отчаяние» и «Защита Лужина». В романе отчетливо заявляет о себе и центральный мотив всей диалогии и один из главных мотивов, реализованных в рамках *русского текста* «Современных записок» (наиболее ярко он представлен в романах В. Набокова, М. Алданова и И. Бунина), – мотив *заговора* и *смерти царя* (короля или иной фигуры, репрезентирующей символику божественного) как базовый референтный элемент, обеспечиваю-

щий трансформацию образов от *Космоса* к *Хаосу* на семантическом пространстве *русского текста* журнала.

Несмотря на главную тему диалогии – исторические события, происходящее на Ближнем Востоке в середине XIII века до н.э., – центральной проблемой обоих романов выступает не только пророческое предвосхищение и мистическое предчувствие *прихода Христа*, но и метаисторическое видение его незримого присутствия в *Истории*. И если в первой части диалогии эта проблема ставится в форме довольно смутных профетических откровений, то в «Мессии» мы видим достаточно ясную картину структуризации репрезентаций образа Христа, выстраиваемую Мережковским в мистериальной перспективе вершащейся, но так и несвершаемой Истории. Диалогия Мережковского представляет нам рамки некоторой метаисторической парадигмы, куда писатель (как и раньше – в трилогии «Христос и Антихрист») включает совершенно определенный исторический материал, выступающий всего лишь звеном в цепи эсхатологических событий. При погружении же диалогии в *русский текст* журнала работа механизма этого метаисторического кода становится значительно более интенсивной. Семантические конститuentы «Рождения богов – Мессии» начинают активно коррелировать с соответствующими смысловыми (в рамках художественного дискурса «Современных записок» в первую очередь – с символическими) структурами *русского текста*, и политеистический (а в «Мессии» – и революционный) кризис более чем трехтысячелетней давности переносится в качестве мифологического трансфера на революционный кризис в России и Европе начала XX века, «мистериальному» анализу которого (Россия и Европа репрезентированы писателем символом погибшей греховной *Атлантиды*) была посвящена философская публицистика писателя, опубликованная в журнале.

В третьем параграфе «**«Приглашение на казнь» В. Набокова на текстуальном пространстве «Современных записок»: Другой, трикстер и символы «проклятых королей»**» демонстрируется символическая инкорпорация в пространство *русского текста* журнала романа В. Набокова «Приглашение на казнь». На страницах «Современных записок» появились – наряду с несколькими рассказами, стихотворными произведениями и рецензиями – почти все романы писателя «русского» периода. Важнейшие символические составляющие, репрезентирующие мифологему (русского) *Хаоса*, наличествуют в одном из получивших самую широкую известность романов Набокова – «Приглашение на казнь» (1935–1936. № 58–60). И первым же образом (одновременно выступающим и в качестве *темы*), на уровне которого осуществляется корреляция «Приглашения на казнь» с журнальными текстами разных дискурсов, выступает символический образ *тюрьмы*. Образ (тема) тюрьмы входит в парадигму уже заявленной *темы страстей* (страданий) и одновременно фундируется мифологемой (русского) *Хаоса*, составной частью семантической структуры которой является. Этот образ (тема) и его символические дубликаты (*Ад, кладбище, Голгофа* и т.п.) репрезентируют *иной мир*, враждебное

пространство, локус смерти, чей мифологический генезис позволяет его расценивать как составную часть оппозиции *сакрального/профанного* пространства и, в свою очередь, оппозиции *Космос/Хаос*. Именно как «пространство смерти» представлено (пост)революционная (большевистская) Россия в философско-публицистическом дискурсе «Современных записок». Наиболее ярко это представление выражено в публицистическом цикле М. Вишняка «На Родине», печатавшемся на страницах журнала почти на всем протяжении его существования. Образ тюрьмы как в символическом, так и в прямом своем значении (что не мешает, впрочем, ему так же двигаться в парадигме темы *страстей*) на текстуальном пространстве «Современных записок» встречается не раз и в рамках художественного дискурса.

Изображая в романе фантазмагорическое будущее, Набоков моделирует не менее фантазмагорическое настоящее, эпоху одновременного расцвета двух ненавидимых писателем тираний, общим (при всей их «исторической» разности) между которыми остается одно – чудовищный примат общего над частным, большого над малым, «коллектива» над личностью, посредственности над талантом, брутальности над хрупкостью, *своего* над *другим*. Структурообразующие мифосимволические оппозиции связаны в романе с образом главного героя – Цинцинната Ц., приговоренного к смертной казни за «непрозрачность» – отличие от других членов социума. На уровне характерологии оппозицию герою составляет палач м-сье Пьер, который представляет собой фигуру *трикстера* (шута, искусителя), претендующую на роль мифосимволического «паттерна» в семантической структуре мифологемы *Хаоса*. Фигура трикстера становится не только неотъемлемым элементом, но ведущим образным конструктом, одним из главных символических репрезентантов эстетической и коммуникативной парадигмы *всякой переходной эпохи*, культуры в эпоху социального хаоса. Пара Цинциннат – Пьер связана у Набокова целой сетью мифосимволических отношений. Эти отношения представлены в ряде оппозиций: *жертва/палач; индивид/государство(общество); частное/коллективное; свой/чужой; истинное/ложное; естественное/искусственное (театральное); духовное/материальное; Бог/дьявол (Христос/Антихрист); царь/шут; жизнь/смерть; дитя/взрослый; жених/невеста; больной/доктор; священное/профанное, живое/мертвое*. Обобщающим для них, как и в других случаях, выступает противопоставление *Космоса* и *Хаоса*. Главный герой выступает в роли парии, изгоя, *жертвы*, приносимой ради дальнейшего благополучия и целостности не желающего разлагаться изнутри коллективного организма. Как в случае с «Историей любовной» И. Шмелева и произведениями Д. Мережковского на смысловом пространстве *русского текста* «Современных записок», мы здесь напрямую сталкиваемся с *семиотикой жертвоприношения*, анализу «очистительной» общественной функции которого посвящены «кризисные» исследования Р. Жирара¹⁰.

¹⁰ См.: Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.

Интертекстуальные отсылки к «Преступлению и наказанию» и «Мертвым душам» активно участвуют в конструировании и такой важной для *русского текста* «Современных записок» эсхатологической оппозиции, как *Христос/Антихрист (Бог/дьявол)*. В свою очередь эти репрезентации связана с вычленением Э.Каннети в работе «Масса и власть» оппозиции *трикстер/священный король*. Цинциннат одновременно и гонимый всеми *пария*, и – как это ни парадоксально – *священный (проклятый) король*, милости и внимания которого все добиваются, чтобы потом пронести его в жертву. На подобную интроспективу указывает целый ряд значений, щедро оставленных Набоковым, в творчестве которого (и на страницах «Современных записок» в целом) тема гонимых королей занимала особое место.

В четвертом параграфе **««Революция, жертвоприношение, «чудовищный двойник»: «Отчаяние» В. Набокова и русский текст «Современных записок»»** исследуются символические репрезентации русской революции в романе В. Набокова «Отчаяние». Семантика *русского текста* журнала позволяет с максимальной интенсивностью активизировать в романе социологический – *революционный* – код прочтения, при имманентном прочтении элиминированный. При этом в структуре «Отчаяния» обнаруживается мотивное усиление символики французской революции. Первостепенной значимостью обладает сам факт *указания* Набоковым на эти события прошлого, факт попытки их включения в сегодняшнюю картину мира – факт их *мифологизации*. Обращение к французской (или иной) революции как к ближайшему релеванту революции русской на пространстве *русского текста* «Современных записок» в каком-то смысле обретает характер топоса, особенно он явственен, в романах Д. Мережковского и М. Алданова. И для Набокова главным было даже не *указание* на французскую революцию как таковую, а на *революционность in toto* – с ее идеологическими константами и мифологическими комплексами, представленными богатой символикой. В первую очередь это символика *двойника*, или, используя терминологию Р. Жирара, *«чудовищного двойника»*. Как считает Жирар, феномен двойничества связан с эскалацией взаимного насилия в эпохи «жертвенного» (социального, революционного) кризиса. Отчетливо артикулированная в помещенном на пространство *русского текста* «Современных записок» романе (анти)утопическая взаимозаменяемость Германа и Феликса аранжируется символикой (коллективного) *жертвоприношения*. Как показывает герменевтический анализ журнального текста, сцена убийства Феликса репрезентирует семантику жертвоприношения, в условиях социального (революционного) кризиса призванную нивелировать (в парадигме кризисной антропологии Жирара) растущий социальный хаос. В контекстуальных герменевтических условиях сцену убийства Феликса можно истолковать не только как казнь, жертвоприношение или даже *инициацию*, но и как сцену символического *самоубийства Германа, ритуальную казнь короля*, мифологически инкрустирующую все три великие революции (одним из до-

казательств чему служат многочисленные аллюзии на романы Ф. Достоевского). Символика *казни короля* (или символического самоубийства – как «фигуры замещения» приготовленной к закланию августейшей особы), или *сакральной жертвы*, приносимой во имя чаемой, но неопределенной стабильности (в ее качестве в романе выступает (анти)утопический мир «Ферманов и Геликсов»), в «Отчаянии» Набокова функционирует в качестве «базового носителя» семантики мифологемы *Хаоса*, в рамках которой происходит оценка (и репрезентация) современных российских событий и на пространстве *русского текста* «Современных записок» (идентичный рисунок символизации представлен, в частности, при анализе «Приглашения на казнь»), и на пространстве Текста эмигрантской культуры в целом.

Четвертая глава **«Мифологема Возвращения и ее символические корреляты на пространстве русского текста «Современных записок»»** посвящена анализу символических репрезентаций мифологемы *Возвращения* в рамках художественного дискурса журнала. Анализируемые в последней главе произведения объединяются прежде всего тематически. В центре их содержательной структуры стоит тема изгнания – вынужденной *эмиграции*, в которой оказались не только персонажи этих романов, но и их авторы. Этот третий тематический блок синхронизируется в рамках нашего исследования с последней составляющей мифологического процесса космогенеза *Космос–Хаос–Космос*, репрезентирующего циклический хронотоп картины мира «переходных эпох», архетипический рисунок которой ясно просматривается во всех «прецедентных текстах» культуры (и в первую очередь в медиатекстах) в эпоху социального кризиса. В качестве необходимого условия адекватного функционирования циклической хронотопики выступает *миф о вечном возвращении* – символическая система, репрезентирующая идею о необходимости (для поддержания стабильности социокультурных структур) периодического возвращения к культурному *Началу/Космосу*, отпадение (потеря) от которого стало результатом сменившего *Космос Хаоса*.

В первом параграфе **«Символика убежища в романной трилогии М. Алданова «Ключ»–«Бегство»–«Пещера» на текстуальном пространстве «Современных записок»»** рассматривается интеграция на текстуальное пространство журнала «эмигрантского» цикла М. Алданова. Структурообразующим комплексом, обеспечивающим качественное вхождение алдановской трилогии в семантическое поле *русского текста*, выступает центральный символический комплекс цикла – символика *убежища*, репрезентируемая двумя ведущими символами романов – *ключа* и *пещеры*. Публицистический смысл первого романа трилогии, включенного в пространство *русского текста* «Современных записок», проходит путь между двумя символическими точками: *ключ* русской революции (отчетливый конспирологический код символа дублируется в журнале в рамках философско-публицистического дискурса, например, в работах Л. Шестова), по мысли Алданова, в движении от «мечты декабристов и десятка поколений» до ее реализации – «развалин

огромного государства». И здесь символика *ключа* начинает звучать в следующем семантическом регистре – ключ от *убежища*, в котором пытаются укрыться от наступающего революционного хаоса герои романного цикла. В романе «Бегство» символика *убежища* репрезентирует в первую очередь *внутреннюю эмиграцию* персонажей, их негативную оценку «наследников Февраля». Поэтому с включением трилогии в *русский текст* «Современных записок» в «Бегстве» активизируется именно авторская *антибольшевистская* интенциональность, публицистическую составляющую которой обеспечивает образ главного героя Александра Брауна. Символ *пещеры* вбирает в трилогии Алданова практически все основные смысловые векторы и проблемно-тематические комплексы, жестко соотносимые с аналогичными структурами текстуального пространства «Современных записок». Он используется писателем прежде всего для репрезентации темы *эмиграции*, вынужденного изгнания, в рамках которого идет тяжелый процесс философского постижения героями случившегося с Россией. Выбор именно этого символа не был у Алданова случайным. Традиционно пространство *пещеры* – это пространство *иног мира*, временное убежище, консервирующее в себе потенциальное *возвращения*. Локус *пещеры* представляет собой пространство *ожидания* и *оценки*. Поэтому именно в статусе изгнанников герои трилогии начинают в полной мере осознавать смысл *русского Хаоса*. В пещере-эмиграции, как считает Алданов, остаются последние силы, способные вести поиск *самоидентичности*, способные выполнить возлагаемую на них Историей миссию *духовного* сохранения остатков русской культуры, миссию, вопрос о выполнении которой был одним из главных на текстуальном пространстве «Современных записок».

Во втором параграфе «**Память и забвение: символические фигуры *возвращения* в романе В. Набокова «Дар» и русский текст «Современных записок»**» анализируется семантика символических фигур в романе В. Набокова «Дар», инкорпорированном в *русский текст* «Современных записок». С публикацией «Дара» в «Современных записках», редакция которых до сих пор более чем охотно (и без каких-либо изменений) печатала все, что предлагал Набоков, был связан литературный скандал. «Дар» состоит из пяти глав, но лишь четыре из них (1–3 и 5) увидели свет на страницах журнала (1937, № 63–65; 1938, № 66–67). В 67 номере после заголовка «Глава 4» были напечатаны две строки точек и – в сноске – редакторское заявление где говорилось: «См. «Современные записки» №№ 63, 64, 65, 66. – Глава 4-я, целиком состоящая из «Жизни Чернышевского», написанной героем романа, пропущена с согласия автора. – Ред.» (Современные записки. 1938. № 67. С. 69). М.В. Вишняк объяснял отказ редакции тем, что, по мнению редакции, «жизнь Чернышевского изображалась в романе со столь натуралистическими – или физиологическими – подробностями, что художественность изображения становилась сомнительной». Таким образом, уже самой редакцией определяется одна из символических фигур романа, структуризация которых проходит в парадигме двух

ключевых тем «Дара», – это темы *памяти* и *творчества* (вокруг них получают свое развитие другие темы во всем своем многообразии и взаимодействии). Именно силой творческой памяти главный (автобиографический) герой романа молодой эмигрантский поэт Федор Годунов-Чердынцев совершает символическое *возвращение* в Россию своего (набоковского) детства и юности, воскрешает утраченный рай *русского Космоса*. Этим укорененным на пространстве *русского текста* «Современных записок» темам в романе противопоставляются темы *забвения* и *изгнания*, преодоление которых происходит с помощью «эпифаний» (В.Е. Александров) – разрыва пространственно-временного континуума эмиграции и обретения *сакральных времени* и *пространства России*. Тема извлекаемого из глубин памяти прошлого – в парадигме *платоновского «анамнезиса о потерянном рае»* – четко прослеживается и в работах крупнейшего русского философа Л. Шестова, особенно в его основополагающей работе «На весах Иова», большая часть которой увидела свет на страницах «Современных записок» в рамках философского дискурса журнала. Эти структурированные в форме оппозиций темы образуют в «Даре» смысловую гомологичность в рамках *символических фигур*, каждая из которых по-своему репрезентирует данные проблемно-тематические категории. Образом, репрезентирующим тему *памяти* и – соответственно – мифологему *Возвращения*, в романе выступает символическая фигура отца главного героя, Кирилла Кирилловича, книгу о котором пишет Федор. Семантическим дубликатом этого образа служит символическая фигура Пушкина, личность и творчество которого на пространстве *русского текста* «Современных записок» символизировали чистоту традиций русской культуры и противопоставлялись «советскому мифу» о поэте. Среди таких статей в журнале обращают на себя внимание, например, большие работы В. Вейдле и М. Цветаевой, проблемно-тематический и даже образный рисунок которых – хотя и каждый по-своему – коррелирует с аналогичными структурами «Дара». Этим фигурам в романе противопоставляется символический образ Чернышевского, призванный обеспечить семантическую реализацию второй части оппозиции *память/забвение*.

Третий параграф «**Обряды перехода**»: роман В. Набокова «Подвиг» в *русском тексте* «Современных записок» посвящен проблемам интеграции репрезентаций мифологемы *Возвращения* в набоковском романе «Подвиг». Впервые «Подвиг» увидел свет в четырех номерах «Современных записок» (1931. № 45–47; 1932. № 48), в том же 1932 году роман выходит отдельным изданием в издательстве «Современные записки». С одной стороны, выступая в качестве обрамляющей композиционной рамки и ведущего мотива романа, и, с другой, являя собой инвариантный символ на всем художественном текстуальном пространстве «Современных записок», структурообразующую функцию несет один из мифосимволических «обрядов перехода» (А. Ван Геннеп) – образ *перехода героем границы*. Тем самым сразу вводится ведущий романный мотив – одновременно выступающий и в каче-

стве темы, и в качестве центрального образа-символа – *пути* или *перехода границы*, путешествия, пересечения пространств, погружения в от-граниченный, «иной» локус. При этом главный герой, молодой эмигрант Мартын, сразу же позиционируется Набоковым не просто как «герой романа», наделенный соответствующим функционалитетом, но в первую очередь как вариант *культурного героя*, исключительный статус которого на протяжении большей части повествования выражен имплицитно, в начале же романа он артикулируется через интертекстуальную и номенологическую поэтику текста. В рамках интертекстуальной поэтики различается явное структурирование набоковского романа по модели *волшебной сказки*. Кроме того, «смутный призыв» к подвигу, который все время ощущает Мартын, указывает не просто на интертекстуальную связь с моделирующими «Подвиг» древними героическими поэмами, но на дублирование экзистенциального пути, который суждено пройти всякому мифологическому герою¹¹. Эмигрантский период жизни Мартына в сложившейся герменевтической ситуации можно интерпретировать как своеобразную *инициацию* героя, период его испытаний, время инициальной «подготовки» к своему «настоящему» подвигу, когда, наконец, раз и навсегда утвердится его подлинно героический статус. Центральное событие в романе – переход Мартыном советской границы, моделируемый в «Подвиге» как переход мифологическим (сказочным) героем границы *профанного (инфернального, чужого)* пространства, представляемого героем в качестве тоталитарной страны Зоорландии. Тем самым очередной раз на текстуальном пространстве «Современных записок» (в рамках художественно-публицистического дискурса журнала как *антипространство* Советская Россия представлена, например, в очерках А. Ремизова) российская (пост)революционная ситуация рассматривается в широчайшем контексте пантоталитаризма и антитолерантности – *Хаоса*, который лишь именуется себя *Космосом* и порядком, что опять возвращает нас к вопросу о реализации в ткани *русского текста* журнала оппозиций *истинный/ложный* или *подлинный/иллюзорный*.

В четвертом параграфе «**Иеротопия: построение сакральных пространств в романе Б. Зайцева «Дом в Пасси» и русский текст «Современных записок»**» анализируется противопоставление мифологических пространств, репрезентирующих символические структуры «эмигрантского мифа», в романе Б. Зайцева «Дом в Пасси». «Дом в Пасси» впервые был опубликован в начале тридцатых годов в трех книгах «Современных записок» (1933. № 51–53; 1934. № 54), год спустя роман вышел отдельным изданием в берлинском издательстве «Парабола». В первую очередь идейно-образная структура романа – наряду с другими – призвана репрезентировать одну из основополагающих мифологем «эмигрантского мифа» – мифологему *Возвращения*. Кросстекстуальность, лежащая в основе анализа текстуального пространства «Современных записок», позволяет говорить не только о постановке

¹¹ См.: Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук, АСТ; Киев: Ваклер, 1997. С. 68.

Зайцевым вопроса о возможности возрождения внутри эмиграции русской духовности, но даже о попытке писателя воссоздать в рамках рассеяния духовный и культурный ландшафт России, попытка *смоделировать русское духовное пространство* на географическом пространстве Франции, причем это моделирование носит совершенно отчетливые пространственно-временные (мифологические) характеристики. Эти измерения репрезентируются – как и на всем семантическом пространстве *русского текста* «Современных записок» – целым комплексом символических пространств, позволяющих говорить о придании автором моделируемому им пространству статуса *сакрального* и о возможности использования термина *иеротопия* (А.М. Лидов) – построение сакральных пространств. Мифопоэтический хронотоп романа связан с противопоставлением – а текст «Дома в Пасси» в целом построен по принципу чередующихся оппозиций – трех локусов. Это два географических – Советская (революционная) Россия и локус современного Парижа, где живут герои романа. В отличие от двух первых третий не имеет отчетливой географической «привязки» – это сакральное пространство *русского Космоса*, пространство утраченной «святой» России, обладающее не столько географическими, сколько ментальными и метафизическими характеристиками. Именно это пространство жестко противопоставляется двум первым, отчетливо фундированным *символикой зла*. Большевицкая Россия представлена как профанное пространство смерти. При характеристике «парижского» локуса Зайцевым используется более разветвленная (и с ярко выраженными апокалипсическими аллюзиями) сеть inferнальной символики. Этим пространствам противопоставляется невидимое (но более истинное и крепкое) пространство русской духовности. Точкой сбора этого дискретного, пуантированного пространства выступает центральный образ «Дома в Пасси» – о. Мельхиседека, образ, в рамках которого максимально полно актуализируется православное мировоззрение и вокруг которого это пространство начинает «овеществляться» - под Парижем организуется православный скит, который мыслится в романе не просто как часть России, но как *модель России*, но не как ее уменьшенная копия, а как ее *утраченный оригинал*, ее воссозданный, возвращенный и созидаемый сакральный топос. Именно в рамках этого пространства «русский» хронотоп – хронотоп Собора – получает статус *хоротона* – структурирования пространственно-временного континуума по принципу «живой иконы». Иеро(хоро)топический принцип, реализованный в романе Зайцева, репрезентирует идею *духовного* возрождения/возвращения России, также широко представленную в рамках философско-публицистического дискурса «Современных записок», в частности, философа и богослова Г.В. Флоровского, что очередной раз демонстрирует принципиальное семантическое единство журнала.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения эмигрантской журналистики.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Млечко, А.В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920-1940) / А.В. Млечко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – 574 с. (23, 9 п.л.).
2. Млечко, А.В. Символика текста культуры русского зарубежья (на примере анализа художественного дискурса журнала «Современные записки» / А.В. Млечко // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. – М., 2006. – Т. 7. Вып. 2 (30) – С. 283–293 (0,6 п.л.).
3. Млечко, А.В. Революция, жертвоприношение, «чудовищный двойник»: «Отчаяние» Набокова и «русский текст» «Современных записок» / А.В. Млечко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2006. – №1. – С. 122–136 (1,5 п.л.).
4. Млечко, А.В. Мифологема рая в «русском тексте» «Современных записок» / А.В. Млечко // Сибирский филологический журнал. – Ноаосибирск, 2007. – №1. – С. 36–48 (1 п.л.).
5. Млечко, А.В. «Русский текст» эмиграции в художественном дискурсе журнала «Современные записки» / А.В. Млечко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. – Волгоград, 2008 - № 5 (29). – С. 137– 142 (0,5 п.л.).
6. Млечко, А.В. Память, забвение и «фигуры возвращения»: роман В.Набокова «Дар» в «русском тексте» «Современных записок» / А.В. Млечко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2008. – №1. – С. 80–91 (1,5 п.л.).
7. Млечко, А.В. Семантика мифологеми *пути* в художественном дискурсе журнала «Современные записки» / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Научно-теоретический журнал. – Вып. 2 (8). – Волгоград, 2008. – С. 6–11 (0,6 п. л.).
8. Млечко, А.В. Обряды перехода: роман В. Набокова «Подвиг» в «Русском тексте» «Современных записок» / А.В. Млечко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2008. – №2. – С. 206–216 (1 п.л.).
9. Млечко, А.В. Владимир Набоков: мир как текст / А.В. Млечко // Природа и человек в художественной литературе. Материалы Всероссийской научной конференции. Волгоград, 2001. – С.216–223 (0, 4 п.л.).
10. Млечко, А.В. «Современные записки» в контексте культуры русского Зарубежья (к постановке вопроса) / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государ-

ственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 1. – Волгоград, 2001. – С. 66–72 (0,75 п. л.).

11. Млечко, А.В. Творчество В.В. Набокова в литературной критике «русского зарубежья» / А.В. Млечко // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 3–4 (24–25). – Воронеж, 2001. – С. 99–104 (0,75 п. л.).

12. Млечко, А.В. От «Современных записок» к «Новому журналу»: к вопросу об эволюции традиционных моделей в русской журналистики / А.В. Млечко // Проблемы массовой коммуникации на рубеже тысячелетий. Материалы научно-практической конференции. 15–16 мая 2001 года. Воронеж, 2001. – С. 177–179 (0,2 п. л.).

13. Млечко, А.В. «Защита Лужина» В.В. Набокова в журнальной и газетной критике «русского зарубежья» / А.В. Млечко // Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития. Тезисы научно-практической конференции. Часть V. Москва, 2001. – С. 61–63 (0,2 п. л.).

14. Млечко, А.В. «Русская утопия» Георгия Федотова (по страницам «Современных записок») / А.В. Млечко // Коммуникации в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2002. – С. 75–77 (0,2 п. л.).

15. Млечко, А.В. «Мысли о России» Ф.А. Степуна как текстовое единство / А.В. Млечко // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 5–6 (32–33). – Воронеж, 2002. – С. 26–32 (0,75 п. л.).

16. Млечко, А.В. Герменевтика текста «современных записок» / А.В. Млечко // 300 лет российской журналистики. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2003. – С. 24–28 (0,3 п. л.).

17. Млечко, А.В. «Русский текст» эмиграции в художественном дискурсе «Современных записок» / А.В. Млечко // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 30 июня–5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов: В 2 т. Т. 2. СПб., 2003. – С. 379–387 (0,4 п. л.).

18. Млечко, А.В. В.В. Набоков и «Современные записки»: философия игры / А.В. Млечко // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен. Материалы Международной научной конференции. В 2-х частях. Ч. II. М., 2003. – С. 124–133 (0,5 п. л.).

19. Млечко, А.В. Литературная, культурная и общественная жизнь русского зарубежья (1920–1930-е годы): течения, объединения, периодика и издательские центры / А.В. Млечко // Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / ред. А.И. Смирнова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 11–36 (1,2 п. л.).

20. Млечко, А.В. Марк Алданов / А.В. Млечко // Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / ред. А.И. Смирнова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 232–245 (1 п. л.).

21. Млечко, А.В. Владимир Набоков А.В. Млечко // Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие / ред. А.И. Смирнова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 269–295 (1, 5 п. л.).

22. Млечко, А.В. Символ сада как элемент «русского текста» в художественном дискурсе «Современных записок» / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 2. – Волгоград, 2002. – С. 90–100 (1 п. л.).

23. Млечко, А.В. Текст журнала и текст культуры (герменевтический анализ журнала «Современные записки») / А.В. Млечко // Информационная политика в регионе: между прошлым и будущим: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 19 декабря 2002 года. Саранск, 2003. – С. 165–169 (0,3 п. л.).

24. Млечко, А.В. Символика «хаоса Истории» в романах Марка Алданова и «русский текст» «Современных записок» («Мыслитель», «Ключ. Бегство. Пещера», «Начало конца») / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 3. – Волгоград, 2003–2004. – С. 74–87 (1,6 п. л.).

25. Млечко, А.В. До и после Апокалипсиса: мифологическая символика Д.С. Мережковского в «русском тексте» «Современных записок» / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 4. – Волгоград, 2005. – С. 64–74 (1 п. л.).

27. Млечко, А.В. Романная диалогия Д.С. Мережковского «Рождение богов – Мессия» и «русский текст» «Современных записок» / А.В. Млечко // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Международной научной конференции. Волгоград, 2005. – С. 736–741 (0,3 п. л.).

28. Млечко, А.В. «Русский текст» «Современных записок»: от символа к мифу / А.В. Млечко // Зарубежная и российская журналистика: актуальные проблемы и перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции. 3 июня 2005 года. – Волгоград, 2005. – С. 65–76 (0,5 п. л.).

29. Млечко, А.В. «Жизнь Арсеньева» и «усадебный миф» И. Бунина / А.В. Млечко // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Международной научной конференции. 12–15 апреля 2006 года. Волгоград, 2006. – С. 206–212 (0, 5 п.л.).

30. Млечко, А.В. «Отчаяние» В. Набокова в «русском тексте» «Современных записок»: от «чудовищного двойника» к символическому самоубийству / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 5. – Волгоград, 2006. – С. 64–73 (1 п. л.).

31. Млечко, А.В. По темным аллеям памяти: рассказы Ивана Бунина и «русский текст» «Современных записок» / А.В. Млечко // Современные проблемы журна-

листной науки. Ежегодный сборник научных статей. Воронеж, 2006. – С. 42–60 (1 п. л.).

32. Млечко, А.В. Символы «проклятых королей»: «Приглашение на казнь В. Набокова и «русский текст» «Современных записок» / А.В. Млечко // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй Международной конференции: В 2 т. Т. 2. Волгоград, 2007. – С. 400–405 (0,4 п. л.).

33. Млечко, А.В. Сад и пространство греха: «История любовная И. Шмелева в «русском тексте» «Современных записок» / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 6. – Волгоград, 2007. – С. 97–113 (1,5 п. л.).

34. Млечко, А.В. Иеротопия: построение сакральных пространств в романе Б.К. Зайцева «Дом в Пасси» (по страницам «Современных записок») / А.В. Млечко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 7. – Волгоград, 2008. – С. 78–94 (1,5 п. л.).

35. Млечко, А.В. Репрезентации мифологемы *Хоаса* на текстуальном пространстве журнала «Современные записки» / А.В. Млечко // Современные проблемы журналистской науки. Ежегодный сборник научных статей. Воронеж, 2008. – С. 63–75 (1 п. л.).

Семь статей (№№ 2,3,4,5,6,7,8) опубликованы в периодических изданиях, входящих в список Высшей аттестационной комиссии.